



*...Вероятно, стрелкам часов так надоело
год за годом двигаться в одну и ту же сторону,
что они вдруг повернули вспять...*

Смеркалось. В свете фонарей кружились снежные хлопья. На улицах царило оживление.

Среди праздничной толпы шел и Иоаким со своим папой. Они приехали в город, чтобы купить рождественский календарь, и это была их последняя надежда, ведь завтра уже первое декабря. Увы, все календари в газетном киоске и в большом книжном магазине на площади были проданы.

Иоаким дернул отца за руку и указал на крохотную витрину маленькой лавки. К стопкам книг был прислонен красочный рождественский календарь.

— Вот, смотри! — воскликнул Иоаким.

Папа повернул голову.

— Слава Богу.

Они вошли в тесную лавку. Иоаким решил про себя, что магазинчик старомодный и обшарпанный. Вдоль стен тянулись книжные полки, и все они от самого пола и до потолка были сплошь заставлены книгами. Причем почти каждая в единственном экземпляре.

На прилавке лежала кипа рождественских календарей. На одних был изображен Санта-Клаус рядом с оленьей упряжкой. На других — хлев, в котором сидел крошечный рождественский гном и ел кашу из огромной миски.

Папа взял в руки оба календаря.

— В этом за створками окошек спрятаны шоколадные фигурки, что, как ты понимаешь, не очень-то полезно для зубов.

А тут — пластмассовые.

Иоаким стоял рядом и разглядывал то один, то другой календарь. Он никак не мог решить, какой ему больше нравится.

— Когда я был маленький, календари делали совсем другие, — продолжал рассуждать папа.

Иоаким поднял голову и приготовился слушать.

— А какие?

— В каждом окошке находилась всего лишь маленькая картинка. Но все равно мы с волнением открывали их. Сначала пытались угадать, что именно там будет. А когда наконец створки распахивались, у нас от восторга замирало сердце. Мы словно заглядывали в неведомый мир.

Внезапно Иоаким что-то заметил на одной из книжных полок.

— Там тоже стоит рождественский календарь.

Он подбежал к полке, вытащил календарь и показал папе. На картинке были изображены Иосиф и Мария, склонившаяся над яслями, где лежал младенец Иисус. Чуть поодаль

стояли на коленях волхвы. У входа в хлев теснились пастухи и овцы. С неба спускались ангелы. Один из них трубил в трубу.

Краски на картинке совсем поблекли, словно календарь целое лето пролежал на солнце. Но он был настолько прекрасен, что Иоаким даже разволновался.

— Хочу этот, — сказал он.

Папа улыбнулся.

— Видишь ли, этот календарь, скорее всего, не продается. Я думаю, он очень старый. Наверное, ему столько же лет, сколько и мне.

— Но ведь никто не открывал в нем окошки...

— Это просто для украшения витрины.

Иоаким не мог отвести взгляд от старого календаря.

— Хочу этот, — повторял он. — Я хочу только этот, потому что он особенный.

Подошел хозяин лавки, пожилой седой человек. Он с интересом посмотрел на календарь в руках Иоакима.

— Красивый, — одобрил он. — Самый настоящий рождественский календарь, какие делали раньше. Кажется, будто нарисован от руки.

— Мой сын, — папа указал на Иоакима, — хочет, чтобы мы купили именно этот. Я пытался объяснить ему, что календарь не продается.

Книготорговец с удивлением поднял брови.

— Вы говорите, что нашли его... здесь? Лично я давненько таких не видел.

Иоаким показал пальцем на полку, где он нашел календарь:

— Он стоял вот тут, перед книжками.

Хозяин лавки кивнул головой:

— Вероятно, это старина Иоанн заглянул к нам.

Папа недоверчиво покосился на него.

— Иоанн?

— Да, есть тут один чудаковатый старик. Продает розы на площади, причем совершенно непонятно, откуда он их берет. Бывает, заходит ко мне и просит стакан воды. Летом, в жаркую погоду, прежде чем снова выйти на улицу, выливает немного воды себе на голову. Пару раз он окропил и меня.

Папа кивнул, а седой книготорговец продолжал:

— В благодарность за воду он иногда оставляет одну-две розы у меня на прилавке... или кладет на полку какую-нибудь старинную книгу. А однажды поместил на витрину фотографию молодой женщины. Явно иностранки. Вероятно, из тех же краев, откуда он сам. Под портретом стояло имя — Элизабет.

Папа восторженно вскрикнул.

— А теперь, стало быть, подарил календарь?

— Да, скорее всего.

— Тут что-то написано, — воскликнул Иоаким и громко прочитал:

— «ВОЛШЕБНЫЙ КАЛЕНДАРЬ. Цена семьдесят пять эре».

Книготорговец кивнул:

— Да, это, должно быть, очень старый календарь.

— А можно мне его купить за семьдесят пять эре? — спросил Иоаким.

Седой продавец засмеялся:

— Думаю, ты можешь взять его бесплатно. Наверное, старый Иоанн оставил его именно для тебя.

— Огромное-преогромное спасибо, — проговорил Иоаким и вместе с календарем поспешил выйти из магазина.

Папа пожал руку хозяину лавки и вскоре уже стоял на тротуаре рядом с Иоакимом.

Иоаким крепко прижимал к груди календарь.

— Я открою первое окошко завтра, — сказал он.

Спал Иоаким плохо. Он то и дело вспоминал о седом продавце и об Иоанне, торговавшем розами на площади. Раз он даже встал и выпил воды на кухне. А когда пил, то вспоминал рассказ о том, как Иоанн кропил голову водой.

Но, конечно, больше всего его занимал волшебный календарь. Надо же, ему столько лет, сколько папе, и за все это время никто не открыл окошки! Прежде чем снова лечь спать, Иоаким несколько раз ощупал календарь и все окошки от первого до двадцать четвертого. А 24 декабря — это уже Сочельник. Окошко, на котором стояла цифра 24, было больше всех остальных. Оно почти закрывало ясли в хлеву.

Интересно, где же календарь пролежал все это время, больше сорока лет? И что произойдет, когда Иоаким откроет первое окошко? Родители повесили календарь над его кроватью.

Когда Иоаким проснулся в следующий раз, было уже семь часов. Он привстал на кровати и попытался открыть первое окошко. Иоаким прямо сгорал от нетерпения, пальцы плохо слушались его. Наконец ему удалось ухватиться за крохотный уголок, и створка открылась.

Перед Иоакимом предстала картинка — отдел игрушек в магазине. Среди множества покупателей он заметил маленькую девочку, а рядом с ней ягненка, но не успел как следует рассмотреть картинку, потому что, когда он открывал створку, что-то упало к нему на кровать. Он нагнулся и поднял упавший предмет. В его руке оказался сложенный в несколько раз листок бумаги. Иоаким развернул листок и увидел, что тот с обеих сторон испещрен текстом. И вот что он прочел:

Ягненок с колокольчиком на шее



— *Элизабет!* — крикнула мать ей вслед. — *Элизабет, вернись!*

Элизабет Хансен долго стояла на месте, разглядывая длинную полку с мишками и разными мягкими игрушками, пока мама покупала рождественские подарки для родственников, живущих в Тотене {Тотен — область в восточной части Норвегии.}. Вдруг от компании этих симпатичных игрушечных зверьков отделился ягненок. Он спрыгнул с полки и стал пугливо озираться по сторонам. На шее у него висел колокольчик, но его звон не мог заглушить стрекот кассовых аппаратов.

Мягкую игрушку с колокольчиком на шее Элизабет видела не впервые. Но вот чтобы игрушка вдруг ожила... Это так поразило Элизабет, что она бросилась вслед за ягненком, а тот засеменил по огромному торговому залу в сторону эскалатора.

— Бяша, бяша, бяша, — звала ягненка Элизабет.

Ягненок вскочил на движущуюся вниз лестницу. Лестница скользила стремительно, но ягненок бежал еще стремительней. Так что Элизабет приходилось мчаться еще быстрее, чем лестница с ягненком, вместе взятые.

— Поди же сюда, Элизабет! — снова позвала мама, и голос у нее теперь был сердитый.

Но Элизабет уже стояла на ступеньке эскалатора. Она увидела, как ягненок пробирался среди прилавков и полок первого этажа, там, где продавались галстуки и белье.

Когда Элизабет соскочила с эскалатора на пол, — тот уже был на улице, где в свете гирлянд, развешанных над проезжей частью, кружились снежные хлопья. Опрокинув прилавок с разложенными на нем варежками, Элизабет устремилась вслед за ягненком.

Среди уличного шума было так трудно уловить звон колокольчика, а ягненок уже почти добрался до улицы Киркевейен. Но Элизабет не сдавалась: она решила во что бы то ни стало догнать ягненка и погладить его по мягкой шерстке.

Ягненок с колокольчиком на шее перебежал улицу на красный свет, наверное, он решил, что красный человек означает «иди», а зеленый — «стой», кажется, Элизабет доводилось слышать, что овцы не различают цвета. Как бы там ни было, раз ягненок не обратил внимания на красный свет, то не могла остановиться и Элизабет. Ей надо было непременно догнать его, даже если бы для этого пришлось бежать за ним на край света.

Машины сигналили, а одному мотоциклу пришлось даже свернуть на тротуар, чтобы не сбить Элизабет или ягненка. Занятые рождественскими покупками люди с изумлением взирали на них. Ведь не каждый день встретишь девочку, которая перебегает улицу Киркевейен на красный свет, чтобы догнать плюшевого ягненка, убежавшего из отдела игрушек большого универмага. Не говоря уже о том, что саму погоню за ягненком посреди зимы вряд ли можно назвать обычным делом.

На бегу Элизабет услышала, как часы на колокольне пробили три раза. Она весьма удивилась этому, так как они с мамой приехали в город пятичасовым автобусом, вероятно, стрелкам часов так надоело год за годом двигаться в одну и ту же сторону, что они вдруг повернули вспять. Элизабет подумала про себя, что даже часам может наскучить целую вечность делать одно и то же.

На этом странности не кончились, изменилось и еще кое-что. Когда Элизабет вошла в тот большой магазин, где находился отдел игрушек, но улице было совсем темно. А сейчас почему-то снова стало светло, ночь как будто бы отступила.

Ягненок, видимо, решил скрыться в лесу: он быстро нашел нужную дорогу и затрусил из города в сторону перелеска. А там побежал по тропинке, петляющей между высокими елями. Правда, уже помедленней, потому что тропинка была завалена снегом, выпавшим в последние дни.

Элизабет продолжала погоню за ягненком. Теперь ей стало труднее бежать, но у ягненка было целых четыре ноги, которые то и дело увязали в снегу, а у Элизабет — только две. Видимо, это дало ей некоторое преимущество.

Мамин крик утонул в уличном шуме. А потом Элизабет перестала слышать и уличный шум. Хотя в ее ушах все еще звучали слова:

— Ну что, какую игрушку будем покупать, ту или эту? Как ты считаешь, Элизабет? Хочешь, мы купим обе?

Быть может, ягненок ожил и убежал из магазина просто потому, что ему до смерти надоели стрекот кассовых аппаратов и разговоры о покупках? А Элизабет бросилась догонять ягненка потому, что никогда особенно не любила ходить по магазинам.

Иоаким оторвался от тоненького листочка, который выпал из магического календаря. То, что он прочел, показалось ему настолько удивительным, что он так и застыл с открытым ртом.

Иоаким очень любил тайны. И тут он вспомнил про шкатулку с ключиком, которую бабушка привезла ему из Польши. Мама и папа однажды торжественно поклялись, что никогда в жизни не притронутся к ключику и не станут сами открывать шкатулку, пока Иоаким спит или находится в школе. Потому что это так же нехорошо, как распечатывать чужое письмо.

До этого дня у Иоакима не было ничего по-настоящему тайного, что он мог бы спрятать в шкатулке. И вот теперь он положил в нее тоненький листок из рождественского календаря, повернул в замке ключик и спрятал его под подушку. Когда мама с папой проснулись и посмотрели на рождественский календарь, то увидели в открытом окошке просто картинку, изображавшую ягненка в большом магазине.

— Помнишь? — спросила мама и взглянула на папу. — Такую картинку мы видели в детстве.

Папа кивнул:

— И мы могли вообразить самих себя на этой картинке и домыслить все остальное. И это было гораздо лучше, чем пластмассовые фигурки, которые потом валяются, разбросанные по всему полу, и рано или поздно становятся добычей пылесоса.

Все ликовало внутри у Иоакима. Он один на белом свете знал о таинственном листочке, который выпал из календаря.

Иоаким показал пальцем на картинку, где был изображен ягненок с колокольчиком на шее.

— Этот ягненок решил убежать из магазина, потому что ему страшно надоели шум кассовых аппаратов и разговоры о покупках.

А как раз в это время в магазине находилась маленькая девочка по имени Элизабет, и она бросилась за ягненком, потому что ей очень хотелось погладить его мягкую шерстку.

— Что я говорил! Разве пластмассовая фигурка доставила бы нашему мальчику столько радости?

Весь день Иоаким только и думал о том, удастся ли Элизабет догнать ягненка, чтобы погладить его по мягкой шерстке. Узнает ли он об этом завтра утром?

Ведь, наверное, из календаря снова выпадет листочек бумаги?